

О романе Дж. Д. Сэлинджера

Роман «Над пропастью во ржи» идет к читательскому сердцу чрезвычайно тонкими, потайными ходами. Почему так волнуют эти сумбурные скитания злополучного инфантильного юноши Холдена Колфилда? Никаких давид-копперфилдовских чрезвычайных бедствий с ним не произошло. Не по дорогам американского Запада скитается он, как герои Джона Стейнбека, а в городе Нью-Йорке, где живут его родители, сестра, тетки, «и все эти мои двоюродные подонки», и многочисленные знакомые; он не ездит зайцем в поездах, он нанимает такси. Холдену Колфилду никогда не приходилось думать о куске хлеба. Он из достаточной и интеллигентной семьи, учится в самых уважаемых учебных заведениях США. Престарелая бабушка по четыре раза в год присылает ему деньги «на день рождения». И по ряду признаков мы угадываем, что Холден красив, что тоже, разумеется, немаловажно для счастья, особенно в шестнадцать лет. Словом, это барчук, бездельник, и у читателя вроде бы нет причин за него волноваться.

К тому же у Холдена так много черт и поступков, которые читатель никак не может одобрить. Холден сам рассказывает о себе — и что это за язык, избыливающий жаргонными словечками и бранью! Холден ни к чему не питает почтения — ни к школе, ни к педагогам, ни к наукам, ни к отечественной истории. «Эта дурацкая пушка там торчит, кажется, с самой войны за независимость», — небрежно замечает он, рассказывая, где он находился во время футбольного матча. Его инфантильность проливает неприятное впечатление: как непривлекательна сцена в умывальной, где Холден выбивает чечетку перед бредущим Стрэдлейтером; мы привыкли к тому, что шестнадцатилетние парни держатся с достоинством, не кривляются... Читатели негодуют и по поводу того, что Холден упорно не желает учиться. Его интересует литература, он много читает и сочинения по литературе пишет отлично. Но когда требуется написать сочинение по истории, о древнем Египте, он пишет несколько издевательских, пародийных строк. Он ничего не знает о древнем Египте и не желает знать. Ему это неинтересно. За неуспеваемость Холдена исключили из четырех школ. «Что ты с собой делаешь, мальчик?» — говорят ему, а он сидит, напялив красную охотничью шапку козырьком назад, и читает «В джунглях Африки» Исаака Дайнсона. А когда старый добряк учитель убеждает его подумать о своем будущем, Холден отвечает терпеливо: «Да, сэръ. Знаю. Я все это знаю», — а сам думает в это время: куда деваются зимой утки в нью-йоркском Центральном парке? «Я не мог себе представить, куда деваются утки, когда пруд покрывается льдом и промерзает насквозь».

Вот какой он невозможный, неразумный, разболтанный, этот Холден.

В Нью-Йорке он шатается по ресторанам (очень озабочен тем, чтобы получить спиртные напитки, которых ему не хотят подавать, как несовершеннолетнему), танцует с какими-то дамами, предлагает знакомой девушке уехать с ним и «жить где-нибудь у ручья», а когда в отеле лифтер его спрашивает: «Желаете девочку на ночь?» — Холден после первой неловкости отвечает: «Ладно».

И, вдобавок ко всему, он лгун! Сам говорит: «Такого лгуна, как я, вы никогда в жизни не видели». Как лихо врет он в поезде бедной симпатичной миссис Морроу...

* * *

Но этот роман о лодыре, лгунишке, стилиаге, раззяве, о странном, незадачливом юном существе — такой простой с виду, такой сложный по своему внутреннему механизму — поднимает вихрь чувств и мыслей... Это признак настоящего большого произведения.

Он раскрывается перед нами постепенно, от строчки к строчке, каждая страница романа поражает раскрытием новых сторон, новых тайн молодой человеческой души. Сэлинджер стремится снять с этих тайн все покровы. Ему важно рассказать о своем герое все, в том числе и то, о чем зачастую ханжески умалчивает литература. Однако, обнажая язвы современного американского бытия, Сэлинджер нередко прибегает к приемам декаданса. Речь идет об отборе фактов, деталей, о выборе ситуаций, о злоупотреблении сленгом, наконец.

Эта дань распространенной на Западе моде несколько снижает силу воздействия романа на читателя. Однако в главном роман правдив и реалистичен.

Холден взят в те дни своей жизни, когда его обступили большие и малые неприятности, когда все у него плохо: и пальто украли, и шпаги для фехтовальных состязаний забыл в вагоне метро, и из школы в четвертый раз исключили — страшно вернуться домой, — и за девочкой, которая чем-то ему дорога, начал ухаживать самодовольный, бывалый в делах флирта Стрэдлейтер, и из драки со Стрэдлейтером Холден выходит избитый, в крови... Все отвратительно, в сердце тоска и мусть — не потому ли так нарочито груб Холден на первых страницах романа? Юности свойственно маскировать грубостью свои разочарования, свое отчаяние. Да, это все напускное, наносное, убеждает читатель, узнавая дальше чистую и нежную душу Холдена.

В бездушной казарме — общежитии уважаемой школы Пэнси — остались для Холдена только два утешительных, милых предмета: книга «В джунглях Африки» и красная шапка, которую Холден купил за доллар. Но это утешение слишком слабое при таких обстоятельствах, и Холден сбегает из школы. Гонимый множеством раздражений, больших и ничтожных, в ничтожности своей жалующихся особенно ядовито, он «просто улетает», как утка с замерзшего пруда, где жить уже нельзя. Он рассчитывает провести несколько дней в Нью-Йорке, не показываясь домой до среды, — «спокойно пожить» в недорогом отеле до этой роковой среды, о которой он говорит как бы небрежно, но в сущности старается не думать.

Мы, читатели, тоже не дождалась этой среды. Повествование остановилось у ее порога. Мы можем только догадываться, что произошло в ту среду в интеллигентном семействе Колфилдов. «Моя мама сразу впадает в истерику», — проговаривается Холден, отзываются о родителях в общем сдержанно и корректно («конечно, они хорошие люди»), а о матери — с нежным грустным сожалением... «Папа тебя убьет, убьет», — твердит Фиби. «Конечно, я бы мог рассказать, что было дома, и как я заболел, и в какую школу меня собираются отдать с осени... но не стоит об этом говорить. Неохота, честное слово. Неинтересно».

Но как бы снисходительно нежно ни относился Холден к матери и корректно к отцу — для него они часть того мира, который его не устраивает, в котором жить плохо, где человеку негде отогреть душу. И не случайно роман Сэлинджера, наряду с «Фиестой» Хемингуэя и «Человеческой комедией» Сарояна, изъят из библиотеки средней школы калифорнийского города Сан-Хосе.

Однако Холден со своей ущербностью, скепсисом, бессознательным цинизмом — неотъемлемая часть этого мира. Он, вероятно, пришел бы в негодование, если бы ему об этом сказали. Но это бесспорно так. Хочет Холден или нет, но он в плену у этого мира, его вкусов, его обычаев, и «бунт» его, в сущности, ни к чему не ведет.

Холден не задумывается о том, что этот мир можно и нужно переделать, что ему, Холдену, следует многое преодолеть и в самом себе, что его собственное безволие, пассивность гирей висят у него на ногах... Холден лишь с отвращением отрицает действительность, держащуюся на насилии, на «липе», на лицемерии.

Школьника Джеймса Касла замучили шестеро ублюдков, шестеро молодых фашистов, и «тем гадам... ничего не сделали, их только исключили из школы». Сытые удавы Оссенбергеры наживаются на смертности бедняков. «В этой школе полно жулья. У многих ребят родители богачи, но все равно там полно жулья. Чем дороже школа, тем в ней больше ворюг». Искусство, которым в Америке пичкают народ, — пошлая липа, отравы, а не духовная пища. С издевкой и ненавистью пересказывает Холден содержание этих «липовых» пьес и фильмов. С еще большей ненавистью он говорит о войне, и не он один: «Мой брат, Д. Б., четыре года, как проклятый, торчал в армии... Целыми днями он только и делал, что возил какого-то ковбойского генерала в штабной машине. Он как-то сказал нам с Алли, что, если б ему пришлось стрелять, он не знал бы, в кого пустить пулю. Он сказал, что в армии полно сволочей, не хуже, чем у фашистов...»

Тоскливо и бестолково слоняется в этом мире Холден, одинокий, беспомощный перед жизнью, которая его не устраивает, судорожной развязностью и бесшабашностью пытающийся прикрыть свою беспомощность.

Его обвиняют (и мы обвинили) в том, что он ведет себя как двенадцатилетний мальчик. Однако «иногда я веду себя так, будто я куда старше своих лет, но этого-то люди не замечают. Вообще ни черта они не замечают», — устало говорит Холден. Он знает о людях огорчительно много, знает, в частности, и то, что взрослый человек смотрит на шестнадцатилетнего со своей взрослой колокольни и сплошь да рядом даже не делает попытки разобраться — что же происходит в бесконечно ранимой, переполненной брожением и смятением душе шестнадцатилетнего.

К кому идти с этим смятением? «Я... машины не люблю. Понимаешь, мне неинтересно. Лучше бы я себе завел лошадь, черт побери. В лошадях хоть есть что-то человеческое. С лошадей хоть поговорить можно...»

Когда Холден врет, его слушают. Но кто его слушает, когда он говорит правду? Когда он говорит о том, что ему интересно?

«Ты бы поучилась в мужской школе. Попробовала бы!.. Сплошная липа. И учатся только для того, чтобы стать какими-нибудь пронырами, заработать на какой-нибудь треклятый «кадиллак». Работать в какой-нибудь конторе, зарабатывать уйму денег... и читать газеты, и играть в бридж все вечера, и ходить в кино... Нет, это все не то!.. Господи, до чего я все это ненавижу».

Так говорит он Салли, зовя ее «жить у ручья». Что же отвечает Салли? «Не кричи, пожалуйста».

«Да не ори ты так, ради бога!» — говорит ему и Льюс.

И бедняга Холден ищет — с кем же поговорить?! Трое суток, в течение которых происходит действие романа, наполнены этими сумбурными, неуклюжими, безуспешными поисками. Лихорадочно призывает он по телефону всех, на кого есть в этом

смысле хоть слабая надежда. Среди ночи будит звонком совершенно не известную ему женщину, знакомую своего знакомого. На секунду дохнула на него материнская ласковость миссис Морроу. Две serene монашенки мимоходом прошли перед ним, и смиренное, тихое их существование, их желание делать посильное добро тронули Холдена, и он вспоминает о них с уважением и теплотой. Теплота ему необходима. Где-то надо же иногда пригреться хоть чуть-чуть. Ведь даже утки деваются куда-то с замерзшего пруда...

Одни люди, чем-то на миг обнадежившие, исчезают бесследно в громадном кипящем городе. Другие не приносят ничего, кроме разочарования.

Среди своих метаний и поисков Холден слышит песенку, которую поет на улице маленький мальчик: «Если кто-то звал кого-то вечером во ржи...»

Эта строчка могла бы стоять эпиграфом к роману. К истории о том, как кто-то, заблудившийся, растерявшийся, звал кого-то... и не дозвался.

Считается, что в шестнадцать лет человек обязательно влюблен. Холден ни в кого не влюблен, хотя много думает о любви даже в труднейшие дни своей жизни. Не влюблен в Салли — просто попытался душевно уцепиться за это жизнелюбивое, всем довольное создание. Его отношение к «старушке Джейн» туманно для него самого. Что-то в ней привлекает его и трогает; может быть, их роднит несчастливое детство. Но это вовсе не всепоглощающая юношеская влюбленность. Разве Джейн причина драки со Стрэдлейтером? Не то ли, что Стрэдлейтер назвал священную рукавицу покойного маленького Алли «какой-то дурацкой рукавицей», вывело Холдена из терпения? Или просто ему не под силу стало, в его настроении, созерцать наглое преуспеивание счастливого Стрэдлейтера? Любовь для Холдена еще впереди, и не распутиик он, а «если уж хотите знать правду, так я девственник...»

Мы знаем, чем кончилась история с проституткой и как Холдену пришлось поплатиться за свою девственность не только лишними долларами, но и кровью. Да, за чистоту и добродетель из тебя пускают кровь, таковы порядки в мире, где живет Холден! Девочка, которую он пожалел, ушла со своим покровителем-лифтером. Холден опять один в номере, поруганный, избитый. К длинному ряду обид прибавилась еще одна. И уже кажется Холдену, что ничего никогда не будет больше — ничего хорошего. И странный бред рождается в его воспаленной голове: «будто у меня в кишках сидит пуля. Я один сидел в баре, с пулей в животе. Все время я держал руку под курткой, чтобы кровь не капала на пол. Я не хотел подавать виду, что я ранен. Скрывал, что меня, дурака, ранили». Тут в немногих словах сконцентрирована сущность трагедии Холдена.

Символическая пуля, символическая кровь, капающая на пол... Отчий дом, где нет места родному сыну, тоже символически. Но символика дана бесконечно осторожно — чтобы не выпирала, не портила тонкую ткань произведения. Взять хотя бы многозначительную строчку из песенки: «Если кто-то звал кого-то...» Вначале Холден слышит ее неправильно, он слышит: «Если ты ловил кого-то...» Только через десятки страниц Фиби его поправляет, и он соглашается: «Она была права... По правде говоря, я забыл». И лишь пространностью и подробностью разговора, в котором уточняются слова песенки, автор дает понять, что слова эти важны для его замысла.

Если существуют люди, которые примиряют Холдена с жизнью, которых он принимает безоговорочно, за которых готов в огонь и в воду, — это дети. И не только горячо любимая десятилетняя сестренка Фиби, не только покойный брат Алли — все дети вообще: и мальчик, что пел песенку, и малыш в кино, и двое мальчуганов в музее, и детишки, учащиеся в одной школе с Фиби. Придя в эту школу, Холден увидел, что кто-то написал на стене похабщину. «Я просто взбесился от злости. Только представить себе, как Фиби и другие малыши увидят и начнут спрашивать... начнут думать о таких вещах и расстраиваться. Я готов был убить того, кто это написал». И Холден стер надпись. Но на другой стенке опять увидел похабщину. «Попробовал было стереть, но на этот раз слова были выцарапаны ножом... Никак не стереть».

«Знаешь, кем бы я хотел быть? — говорит Холден своей сестре Фиби. — ...Понимаешь, я себе представил, как маленькие ребятишки играют вечером в огромном поле, во ржи. Тысячи малышей, и кругом — ни души, ни одного взрослого, кроме меня. А я стою на самом краю обрыва, над пропастью, понимаешь? И мое дело — ловить ребятишек, чтобы они не сорвались в пропасть. Понимаешь, они играют и не видят, куда бегут, а тут я подбегаю и ловлю их, чтобы они не сорвались. Вот и вся моя работа. Стеречь ребят над пропастью во ржи. Знаю, это глупости, но это единственное, чего мне хочется по-настоящему».

Он хочет спасти ребятишек от падения в пропасть, но спасается ли сам? «Ты несешься к какой-то страшной пропасти», — говорит ему мистер Антолини. Он перебирает возможные варианты будущего, которое ждет Холдена. «Может быть... станешь завсегдаем какого-нибудь бара... А может быть, ты будешь служить в какой-нибудь конторе и швырять скрепками в не угодившую тебе стенографистку...»

Антолини не знает, что будет с его учеником. И Холден не знает, что ждет его впереди. Но и сам автор не видит ничего хорошего для своего героя в будущем. Роман

трагически бесперспективен, весь словно замкнут в небольшом пространстве, в душном, сумрачном и безвыходном. И все же нам жаль поверить, что Холден станет «тянуть палку» в одну сторону с мерзким Оссенбергером и убийцами Джеймса Касла, что он примет жизнь как игру, в которой играть надо по правилам Оссенбергера и убийц Джеймса.

* * *

Роман невелик — отброшено все громоздкое, мешающее выявлению главного. Очень большая точность. Очень большая откровенность. Зрелость сильного и острого таланта чувствуется в каждой сцене. Все словно бы даже небрежно написано, но взгляните внимательно, и вы увидите тончайшую мастерскую отделку. Как будто ничего не описывается, не «рисует»ся, все дано вскользь, но вы видите и школу Пэнси, и школу, где учится Фиби, и гостиницу, и превосходно написанный Музей этнографии.

Почти не дается красок, цветов, поэтому те немногие предметы, которые окрашены, врезаются в память яркими пятнами: зеленое платье проститутки, ее розовая рубашонка на «худых-худых» плечах, синее пальтишко Фиби и особенно — ярко-красная шапка с длинным козырьком, упоминаемая многократно на протяжении романа.

Можно было бы перечислить много счастливых находок, великолепных деталей, блестящих диалогов.

Лучшие его страницы — встреча Холдена с Фиби перед музеем, их блуждание по городу, прогулка по зоопарку и катание Фиби на карусели во время проливного дождя... «Я так и остался сидеть на скамейке... Промок до нитки. А мне было все равно. Я вдруг стал такой счастливый, оттого что Фиби кружилась на карусели. Чуть не ревел от счастья... До того она была милая, до того весело кружилась в своем синем пальтишке. Жалко, что вы ее не видели, ей-богу!»

Когда возмужает сердце Холдена и уляжется в нем хаос смятения, пусть найдет он высокую цель, ту, во имя которой хочется жить и ради которой не страшно умереть.

В. Панова

